

18+

ФАНТОМ

ВИКТОРИЯ ВЬЮГИНА

Виктория Вьюгина

Фантом

«Издательские решения»

Вьюгина В.

Фантом / В. Вьюгина — «Издательские решения»,

Лидия Михайловна, молодая спиритуалистка, возвращаясь на пароходе в город, знакомится со странным молодым человеком, который решает рассказать ей о своём знакомстве с лондонским медиумом Самантой Доулс и о мистичном происшествии, случившемся с ним в Англии...

© Вьюгина В.

© Издательские решения

Содержание

ФАНТОМ	6
1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Фантом

Виктория Вьюгина

© Виктория Вьюгина, 2026

ISBN 978-5-0070-7506-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФАНТОМ

*«Пишу со страстью эти призрачные строки...
Ваш Фантом»*

1

Мы прощались у парома. Хрипло проговорив что-то, брат протянул извозчику несколько смятых бумажек, расплатившись за дорогу. Пожитки мои с дрожек он изволил снять сам, не утруждая излишне мужика, который, отойдя в сторону, открыл железный портсигар и тут же закурил, дожидаясь его.

Пароход издал протяжный гудок, и густой серый дым заполнил небо. Подняв голову, я тяжело вздохнула, чувствуя, как щемит сердце. Отправляться обратно в Красные Болотца не хотелось, но следовало сдержать обещание. Это было обговорено: я возвращалась в небольшую городскую квартирку, которую мы с братом снимали уже больше года, а Дмитрий, закончив дела, прибывал следом через два дня.

Крепко обняв его на прощание, я поспешила на судно. Паром был небольшим и шёл вдоль берега реки до Красных Болотцев — уездного городка на севере, где нередко собирались торговцы и приезжие, стремившиеся заработать денег.

Тяжёлые, выбеленные солнцем доски парома чуть скрипнули, когда я ступила на них, оставляя берег позади. Ветер касался подола платья, принося сырой запах, которым пропитались борта парохода, и я невольно ухватилась за шляпку, опасаясь, что та, сорвавшись, улетит в реку. Проходя вдоль кают, смотрела, как спешили грузчики — справные мужики в грязных рубахах — да толпились люди с огромными чемоданами.

Некоторых я заметила сразу. Вот молодая девица с корзиной полной свежих цветов, которые она, несомненно, везла в город на продажу. Получит ли та за них хотя бы полтинник? Может, и рубль — сможет купить фунтов десять хорошей муки или, если повезёт скопить, даже новое пальто... А вот угрюмый, молчаливый солдат в длинной серой шинели. В руках у него угольный карандаш, которым тот записывал короткие строки — письмо семье. Каждый из них плыл к переменам, что ждали на другом берегу, и с трепетом ожидал отплытия. В них не было волнения, которое охватывало меня и едва не доводило до горячки. Думалось, мне вот-вот станет дурно, и, стоя на палубе, я сжимала трясушиеся губы.

Длинное судно медленно, с глухим шумом воды под днищем, отступило от берега. Гудок раздался ещё раз, а затем свист заглушил его. Над головой прокричали чайки, пролетая над паромом, и мне захотелось вдохнуть полной грудью. Тотчас сделалось легче.

Прильнув к краю борта с излишне нагретой металлической оградой, я взглянула на реку. Лето в этот год выдалось жарким. Солнце нещадно палило, делая воздух душным, и бликами скользило по воде. Рейлинг парома впитал его тепло и теперь обжигал кожу, но я не думала отходить.

Достав смятую листовку, расправила её дрожащими пальцами. Напечатанный текст повторял точно такой же из газеты «Местные выписки», издающейся в городе.

Лидия Усладова — городской медиум
Посредник между материальным миром и спиритическим
Ежедневные сеансы по адресу:
г. Красные Болотца, Красная улица д. 10, квартира 7

(Стучите три раза)

Знакомым словам не хватало только приметного жирного шрифта и чёрной рамки, которые в типографии обещали сделать за дополнительный рубль, но Дмитрий отчего-то отказался. Он говорил, что листовка нашего дела не должна пестреть — так она привлекала лишь нужных посетителей. Иным интересоваться спиритическими сеансами на дому было ни к чему.

В самом низу листовки была напечатана ещё одна фраза: «Смерть не нема, когда есть кому говорить её устами». От вида этих слов у меня сжался желудок — вновь подступило чувство тошноты.

В который раз смяв листовку, я прикрыла ладонью губы, опуская глаза на мерно плывущую под судном реку. Последний месяц, проведённый в дали от Красных Болотец, выдался тяжёлым. Особенно в отношении спиритических сеансов, проводимых мною. В голову даже закрадывались мысли по приезду уговорить Дмитрия не находить новых посетителей ещё хотя бы неделю...

— Жара сегодня утомляет. Вам дурно?

Чей-то голос раздался рядом, и широкая тень накрыла поблёскивающую воду. Я обернулась, крепче сжав нагретый металл рейлинга. Мысли тотчас отступили, оставляя в голове пустоту.

— Нет-нет... — слабо мотнула головой, пытаюсь разглядеть заговорившего со мной. Солнце светило слишком ярко, а под полями шляпки и вовсе трудно было того приметить. — Но вы правы. Уж очень душно на воздухе.

Незнакомец шагнул в сторону, прильнув также к ограде борта, и мне удалось взглянуть на него. Это оказался статный молодой мужчина, который, впрочем, был крайне бледен — так, словно страдал от малокровия или, быть может, иной болезни. Впалые щеки придавали его лицу усталый, почти измождённый вид, а тёмные волосы, тщательно убранные назад — к затылку — казалось, тронула едва заметная седина.

В целом, вид незнакомец имел точно описывающий фразу «будто призрака увидел».

— Вы в город? — с чопорным интересом, скорее из вежливости, полюбопытствовала я, взглянув на мужчину из-под шляпки.

— Да, но лишь проездом. Мне настоятельно рекомендовали отправиться на оздоровительный отдых куда-нибудь в санаторий. Лечебные воды, знаете.

Я кивнула, слабо улыбнувшись. По правде говоря, выглядел мужчина действительно болезненно, но узнать о том подробнее из приличия не решилась.

— Григорий Захарович, — представился мой собеседник, протянув раскрытую ладонь.

— Лидия Михайловна.

Он крепко пожал мне руку, и мы тотчас разговорились. Беседа ощущалась непринуждённой, будто знакомы с Григорием Захаровичем мы были много лет и вот неожиданно встретились на пароме. Он оказался двадцативосьмилетним сыном чиновника из небольшого городка вроде Красных Болотец, образованным и приятным к разговору. Отец его — Захар Ибрагимович — служил при Министерстве иностранных дел, отчего сам Григорий отлично говорил по-английски и даже заверял меня, что его мать была англичанкой. Правда, бросила мужа и сына, вернувшись обратно за границу.

Я же рассказала ему про брата, умолчав, правда, про наши дела. Как и говорил Дмитрий — иным о «спиритических делах» знать было ни к чему. Да, почти каждый день (начиная с полудня) мы закрывали в квартире все занавески и, принимая очередного посетителя, проводили сеанс. Я занималась столоверчением, а Дмитрий зачастую стуками обозначал ответы «духов», которые удивительно точно совпадали с вопросами. При себе я держала записную книжку, в которой хранились имена всех, кто приходил на спиритический сеанс, а также их проблемы и слова других людей, знающих их лично. Это позволяло легко впечатлить какую-нибудь несчастную вдову, сказав, что в комнате запахло чаем с малиновым вареньем, которое прежде страстно любил её покойный муж.

Да, мы с братом были мошенниками, но это не вызывало во мне стыда. Отнюдь, наше дело помогало другим. Пусть мы и лгали людям, постыдно забирая их деньги, но и давали им возможность умерить своё горе — призрачная надежда, что они смогут поговорить с теми, кого уже нет в мире живых.

Пожалуй, я извечно утешала себя этими мыслями. Когда-то так и было, но последний сеанс... Нет-нет, думать об этом вновь не хотелось. Только не когда рядом такой хороший собеседник как Григорий Захарович.

— Позвольте спросить, — он вдруг как-то скованно проронил. — вы верите во что-то фантаσμαгоричное? Недоступное человеческому глазу...

Сжав горячий металл рейлинга, мужчина посмотрел на меня широко распахнутыми глазами. На секунду шум парохода, голосащие с палубы люди, и крик чаек над головой стихли, позволяя услышать собственное чересчур быстро колотящееся сердце.

Верила ли я, будучи бесстыдной мошенницей, обманывающей людей на спиритических сеансах, полностью фальсифицированных моим братом, во что-то действительно сверхъестественное? Однозначный ответ не приходил в голову, и всё же я проговорила после короткой паузы:

— Вполне.

Григорий Захарович провёл ладонью по своим волосам, словно облегчённо выдохнув. Его губы дёрнулись в почти беспокойной улыбке.

— Тогда я бы хотел рассказать вам одну невероятную историю, граничащую с действительно чем-то фантаσμαгоричным, которая произошла со мной за границей.

Немного удивлённая, я приподняла брови. Слова мужчины звучали интересно, да и у нас в запасе имелась ещё пара часов до того, как паром пристанет к другому берегу реки у Красных Болотец, отчего мне отчаянно захотелось послушать Григория.

Оттолкнувшись от края борта, я предложила:

— Продолжим в ином месте?

#

К полудню подавали обед. Не желая прерывать нашей беседы, я пригласила Григория спуститься в каюты и уже там начать свой рассказ.

Небольшой ресторан в одной из них не занимал на пароходе много места. Широкие окна с газовыми занавесками располагались вдоль каждой стены и давали пространству больше света, чем любой другой каюте. Усевшись за дальний столик, я взяла чай да сдобную булочку — хлеб здесь не предлагали.

Поглядывая, как я добавляю три кубика сахара в чай, Григорий улыбнулся. Неясно было, что именно вызвало у него эту пусть и сдержанную, но крайне искреннюю улыбку, но под мерное постукивание ложки о край тонкой чашки он неспешно начал свой рассказ...

«Мой друг по фамилии Дубской не первый год проживал в Лондоне. Оставив родные места, он неплохо вписался в строгое английское общество, отчего несуразным не выглядел. Да и имя у него было не такое уж русское — Венедикт.

Когда я приехал навестить его, то даже удивился, углядывая как Венедикт выхаживал по английским улицам с тростью — точно настоящий граф — да выговаривал их излюбленное «да-да» почти без акцента. В Лондоне его знали многие, и называли, посмеиваясь, «русским англичанином». Разговаривая с иностранными приятелями, я нередко удивлялся, как хорошо они отзывались о Венедикте, особенно рассказывая о совместных вечерах, которые они посещали.

Как позже оказалось, в Лондоне мой дорогой друг увлекся фантасмагоричными идеями и страстным желанием посещать спиритические сеансы, проводимые обычно на закрытых встречах. Там собирались джентльмены и леди, а главным их гостем становился какой-нибудь медиум, обязательно уверявший всех присутствующих, что через него могли говорить духи. Он становился их устами, рассказывая живым о мёртвых. Говоря о потустороннем, собравшиеся непременно пытались вызывать дух знаменитого Фрэнсиса Дрейка или Елизаветы I, а то и почившего уже как лет тридцать мужа королевы — принца Альберта.

Посетив одну такую встречу, Венедикт (по его собственным словам) был приятно удивлён. В продолжение ужина, на который тот был приглашён, разговор зашёл о спиритизме. Присутствовавшие там признавались, что верят многому невероятному и непостижимому, отчего не могут отрицать существование сверхъестественного, в том числе и духов, с которыми говорят медиумы.

Доводы, которые они приводили в своих беседах, похоже, так очаровали моего друга, что тот и сам решил разделить их, подробнее изучив идеи спиритизма.

Так мне и довелось заиметь знакомство с Самантой Доулс — лондонским медиумом, которого Венедикт считал выдающимся среди остальных. Она была незаурядной молодой леди, снимавшей в городе небольшую квартиру, на которой проводила свои сеансы. Бледное лицо всегда обрамляли белокурые волосы, редко собираемые под неприглядный чепец, а ясные лазоревые глаза смотрели из-под густых ресниц с поразительной проницательностью, когда она тихо говорила, шевеля почти бесцветными губами, словно была больна.

Поначалу я даже удивился, что такая кроткая девушка была чопорной англичанкой, извечно одаривающей всех сдержанной улыбкой да ведущей короткие беседы за чашкой чёрного чая. Впрочем, это не сильно проявлялось в её манере говорить, и леди Доулс, как был убеждён мой друг, действительно походила на самого настоящего ангела с рождественской ёлки, коим казалась на первый взгляд. Его имя она произносила на английский манер, превращая то в хорошо звучащее «Бенедикт». Я же тотчас стал для неё просто «Грегори».

Будет заведомо ложью, если я скажу, что не находил Саманту Доулс прелестной, не любил её за одно лишь «О, Грегори», слетающее с её губ каждый раз, когда мы встречались с ней на квартире, и не наблюдал с упоением, как она, занятая своими посетителями, крепко держала их за руку своими бледными тонкими пальчиками, шепча что-то губами.

Да, я страстно увлёкся этой молодой леди. Обожал её, но молча — как это бывает у мужчин, вдруг ощутивших неудержимое желание к полюбившейся, но недоступной им женщине. Именно что «недоступной» — у нас с леди Доулс не могло бы ничего сложиться.

Но не я один испытывал к Саманте столь страстные чувства. Разглядывая её небольшую записную книжку, в которую она вписывала своих клиентов с чёткими подробностями о том, что и кого беспокоило, мне довелось как-то заметить несколько сложенных писем, хранящихся под кожаной обложкой. Каждое начиналось со слов «Моя дорогая Сэм» и подписано было довольно причудливо — «*Ваш Фантом*».

Уж не знаю, кто был этим загадочным Фантомом, но письма его, наполненные томной тоской, поразили даже меня.

Впрочем, мой рассказ следует вести не о тех страстных чувствах, что я испытывал к молодой леди Доулс во время своего пребывания в Лондоне (это дела уже минувших дней), а о странном, *фантазмагоричном* происшествии, случившимся в один вечер.

После спиритических сеансов у леди Доулс всегда болела голова. Она говорила, что это было последствием сильного присутствия призраков — *фантомов*, как они говорили в Англии — и без этих болей обойтись было невозможно. Иногда она называла их «платой» за право слушать и говорить устами духов, ведь эти способности не приносили медиумам радости.

Миссис Смит, экономка Саманты — женщина средних лет, добрая и заботливая — с уходом последнего посетителя неизменно готовила ей успокаивающий чай на травах (незамысловатая настойка из мелиссы и ромашки, как мне помнится), помогавший избавляться от головных болей. Хлопоча над сервизом, она с улыбкой говорила, что научилась этому рецепту в домах, где прежде работала служанкой. У этой женщины обязательно имелись истории из прошлого, которые она с удовольствием рассказывала нам каждый вечерний приём, когда Венедикт приглашал меня посетить квартиру.

В тот вечер у леди Доулс намечался поздний сеанс. Как я слышал, некая Джейн приходила к медиуму уже не первый раз, всё желая вызвать дух своего покойного любовника. При жизни Винсент работал в мясной лавке, и каждую пятницу, выходя с работы, он навещал дом Джейн, негромко окликая её под окном. Теперь же вновь услышать его голос могла лишь Саманта, обещавшая всенепременно утолить жажду несчастной поговорить с Винсентом последний раз.

Мы с Венедиктом заверяли леди Доулс, что мешать сеансу не станем, просто останемся в соседней комнате. Миссис Смит как раз заваривала ароматный чай и ставила на небольшой столик подле дивана сахарницу — Саманта всегда любила добавлять в чай три кубика сахара — не меньше. В квартире было тихо, а свет горел лишь в гостиной, где мы с другом расположились. Принимая посетителей, леди Доулс всегда закрывала в комнате занавески и просила гостей вести себя как можно тише. Слышно было лишь как Джейн пришла около полуночи, поздоровавшись негромко, а затем голос её, доносившийся из соседней комнаты, сделался совсем неразличимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.